

Таня Денисова

Наедине
с
Пустотой
или

A silhouette of a person stands on the edge of a dark, rocky cliff. The person is looking out over a vast, deep blue night sky filled with countless stars and nebulae. The overall mood is contemplative and serene.

Таня Денисова

Наедине с Пустотой или Р96

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72932257

SelfPub; 2025

Аннотация

Бацилла Одаренности накрыла Землю. От куда она возникла? Как спасти людей? И стоит это делать?

– Доктор, а может быть, не надо их спасать? Пусть хоть раз в жизни почувствуют вдохновение, проявят свои способности, порадуются и других порадуют? Ведь человеку нужно даже не признание. Человеку нужен человек. А метеоритный хвост может ещё не раз прилететь и принести другие вирусы. Например, добра и любви.

– Да никому не нужны эти ваши достижения. Есть же дежурные писатели, певцы, танцоры – признанные, на зарплате. На их фоне, конечно, каждый может подхватить Вирус Одарённости и зазвездиться. Просто так, безвозмездно. А потом раз – и это проходит, как насморк. Пустота, невостребованность.

Таня Денисова

Наедине с

Пустотой или Р96

Каждое утро Старик приходил к обрыву и серыми, выцветшими глазами жадно ловил бирюзовый восход звезды, которая поднималась неровно, с короткими промежутками, возвращалась к горизонту, оставляя светящийся шлейф, и повторяла траекторию восхода несколько раз. Если смотреть непрерывно, то казалось, что восходящее светило дрожит: атмосферные слои молодой планеты искажают и мешают плавному движению светового диска. Создавалось ощущение, что каждый день звезда собирается с силами, борется и, наконец, концентрирует все свои неудачные матрицы в один полноценный диск над горизонтом, расцветив небо лимонно-рубиновым светом.

Тогда он садился в плетёное кресло, ножки которого утопали в траве, кутался в колючий клетчатый плед и погружался в воспоминания, изредка наблюдая за горизонтом. В растянутом кармане старого вязаного кардигана нащупывал тонкую тетрадку и успокаивался. Тетрадные листы пожелтели со временем и помялись от постоянного перелистывания. Чайные кляксы придавали страницам живой вид, рассказы-

вая о прожитых днях автора.

Старик знал каждое слово, каждую дату. Только не помнил, как эта тетрадь попала к нему в руки: то ли нашёл в кабине звездолета, то ли в «хижине».

–1–

24 февраля 2054 г.

Кажется, я вляпался. В лаборатории нас осталось трое: я, Кирилл и Вадим Игоревич. Остальных вчера отпустили домой, сказав о «двухнедельном карантине».

Пока не чувствую никаких симптомов. Разрешили гулять по коридорам института, выходить в ботанический сад, следить за своим состоянием и всё записывать в тетрадку шариковой ручкой. Я впервые её увидел. Хорошо, что у меня есть планшет для рисования. Кирилл вообще никогда не писал от руки. Он вирусолог, кандидат наук. Это направление ближе к фантастике, чем к реальности. Кирилл в основном работает с электронными микроскопами. Шариковая ручка и трансмиссионный микроскоп – вещи не совместимые.

Вадим Игоревич попытался по такому случаю запросить для себя автоматическую ручку Ripple от итальянской компании Visconti или, на худой конец, перьевую ручку и чернильницу-непроливайку. (Надо же, запомнил эти названия!). Оказывается, уже лет сорок такими приборами для письма никто не пользуется.

Для меня писать рукой очень непривычно, но это условие

эксперимента.

Спим в гостиничных номерах на тридцатом этаже. Туда же поднимают завтрак, обед и ужин. Контактируем только с молчаливым роботом-секьюрити. Теперь он обслуживает нас троих.

Два раза в день по видеосвязи с двойным шифрованием разговариваем с Шефом.

25.02.2054 г.

Сегодня нас изолировали. Подозрение на какую-то заразную ментальную болезнь. Вирусы разрабатывались в нашем Институте здравоохранения нации. Но что-то пошло не по плану. Человек оказался не так чувствителен к новым штаммам, как лабораторные животные. Я первый заметил, что мартышки в клетке стали вести себя тревожно. Через меня в письменном виде передали требование: «Всех выпустить в джунгли!»

Откуда они знают про джунгли? Ведь они родились в неволе, в стенах нашего Института.

Шеф сказал, что это моя «чистая фантазия». Однако листок с требованиями положил под ключ в сейф. Обезьянник закрыли. Попасть в него может только обслуживающий персонал, а нам, научным сотрудникам, вход запрещён.

У меня постоянно болит голова, но температуры нет. И что-то в груди. Я бы определил это как совесть. Ведь я переживаю за марышек и не могу ничем им помочь. Скучаю по

дому и родным.

Взяли кровь на анализ, результаты будут через три дня. Лаборант, бравший анализы, был в костюме химической защиты. Зачем – не понимаю.

Кирилл отказывается вести дневник. Он постоянно стучит по любой поверхности. У него уже получается легко узнаваемый ритм, хоть музыкой это не назовёшь. Знаю, что в детстве он мечтал стать барабанщиком.

Вадим Игоревич перестал бриться. Попросил гусли. Чувствую, что скоро у нас будет жарко.

26.02.2054 г.

Ночью сплю три часа. Высыпаюсь.

Кирилл и Вадим Игоревич не выходят из своих комнат. Хоть думаю, что это не поможет, мы под одним колпаком с начала карантина.

Кирилл перестал стучать. Загрузил онлайн-синтезатор и сочиняет музыку в наушниках. Начал писать стихи. Вот одно из них.

Столкнулись две галактики,

Погас солнца свет.

И млечные туманности

Оставили лишь след.

В галактике далёкой

Зажгутся вновь огни,
Здесь станет одиноко,
Ты память сохрани.

Не стану оценивать подобное, не специалист. Чем бы дитя
ни тешилось, лишь бы не вешалось. Пусть себе сочиняет.
Вадим Игоревич стучит по гусям. Мартышки шумят.

27.02.2054 г.

Снова ночь провёл за тетрадкой. Мышцы правой кисти
уже не болят, стали крепче. Это и понятно: раньше ничего
тяжелее «мышки» в руке не держал. По ночам в голову при-
ходят странные сюжеты, словно картинки в фильме. Пыта-
юсь их записать. Сегодня ночью часа четыре со мной рядом
«сидело» фантастическое существо и диктовало историю о
себе. Никогда не любил читать фантастику, а тут увлёкся.
Делать-то всё равно нечего.

Кирилл перестал заниматься музыкой, перешел полно-
стью на сочинительство. Хотел рисовать, но ему запретили,
зная его безудержный темперамент. Хотя перекрывать кран
творчеству вредно для психики человека.

Вадим Игоревич разобрал гусли и что-то мастерит в ла-
боратории. Поэтому в нашем крыле института тихо, можно
поспать. Мартышек не слышно. Говорят, им дали книги. Что
они с ними делают? Не знаю.

28.02.2054 г.

Сегодня закончил повесть «Над пропастью не ржи» – фантастический триллер о ситуации в нашем институте. Все герои реальные, имена изменены.

Нам позволили обедать вместе. Значит, с нашим здоровьем ничего страшного не происходит. Возможно, скоро снимут карантин.

Кирилл за обедом сказал, что написал симфонию и музыку к стихотворению «Две галактики». Настоял, чтобы ему принесли краски и холст. Хочет изобразить слияние галактик.

Вадим Игоревич распилил гусли и склеил шахматную доску. Договорился с нами, что, если на ужин дадут сыр, мы ему отдадим для шахматных фигур.

29.02.2054 г.

Пришли результаты анализов. Вернее, всё это было известно ещё вчера, но наши учёные разрабатывали стратегию относительно того, что с нами делать.

Мы все трое подхватили вирус одарённости, который культивировался в нашем институте. В надежде, что заразились только три научных сотрудника, институт сразу же закрыли. Нас изолировали, но вирус распространился на весь город и пригороды. И разнесли его, предположительно, работники нашей лаборатории. Ведётся служебное расследование, и одновременно проводятся противовирусные меро-

приятія.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.